

УДК 81+811.512.512+81'367.7

Е. Л. Рудницкая

Институт востоковедения РАН, Москва

**Грамматические характеристики устных рассказов 2005–2011 гг.
как свидетельство намечающихся тенденций изменения
в разговорном эвенкийском языке ***

Анализируются устные рассказы на эвенкийском языке 2005–2011 гг. Рассматриваются те черты морфологии и синтаксиса, которые характеризуют эвенкийский язык как алтайский или образуют его типологическое своеобразие. Эти черты есть и в северном, и в южном наречии, и в литературном языке. Обнаружена тенденция к потере определенных типологически редких черт, таких как словообразовательный статус некоторых грамматических аффиксов. Также наблюдается тенденция к распространению употребления причастных форм в роли финитного сказуемого на более широкий набор контекстов, чем предложения, составляющие фоновую часть нарратива.

Ключевые слова: эвенкийский язык, синтаксис, морфология, причастное предложение, синтетическая конструкция, говор.

1. Общие характеристики устных рассказов

Эвенкийский язык является малым языком тунгусо-маньчжурской языковой группы. Хотя в России насчитывается большое количество этнических эвенков (около 28 000 человек), эвенкийским языком из них владеет менее 10 %. Даже в Красноярском крае, где находится Эвенкийский муниципальный район, из 4 350 эвенков только 1 695 человек могут говорить по-эвенкийски¹. Как показывает

* Работа выполнена в рамках гранта РФФИ «Корпусные исследования синтаксических структур в устной и письменной речи носителей исчезающих языков (на материале селькупских, эвенкийских и кетских говоров Среднего Енисея и Среднего и Верхнего Таза)» № 14-06-00449, рук. О. А. Казакевич, тексты 2005–2011 гг. Мы благодарим за ценные замечания О. А. Казакевич, Е. Л. Клячко, участников семинара Отдела языков народов Азии и Африки ИВ РАН и участников конференции «Языки народов Сибири и сопредельных регионов» (к 90-летию проф. М. И. Черемисиной).

¹ См. сайт «Эвенкия. Официальный сайт органов МСУ Эвенкийского муниципального района», данные за 2010 г. URL: <http://www.evenkya.ru/public/status.html>

Рудницкая Елена Леонидовна – доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН (ул. Рождественка, 12, Москва, 107031, Россия; erudnitskaya@gmail.com)

Н. А. Мамонтова [2013], этнические эвенки младше 30–40 лет и особенно дети и подростки практически не владеют эвенкийским языком, используя его только как инструмент при проведении традиционных эвенкийских праздников.

Об эвенкийском языке принято говорить не как о едином языке, а как о множестве диалектов (см. [Василевич, 1948; 1958; Мыреева, 2004]). С литературным эвенкийским языком, созданным на основе непского, а затем на основе полигу-совского говора, нельзя идентифицировать остальные говоры (в наибольшей степени с ним объединяются говоры южного диалекта). В эвенкийско-русских словарях Г. М. Василевич и А. Н. Мыреевой в каждой словарной статье есть пометы относительно диалектной принадлежности заглавного слова.

Экспедиции О. А. Казакевич² проводятся в различные эвенкийские села. Большинство этих сел относится к северному наречию (СН): Эконда, Чиринда, Кислокан, Хантайское озеро, Тутончаны, Тура. Только несколько поселений (Ванавара, Полигус, Стрелка) относятся к южному наречию (ЮН), которое близко к эвенкийскому литературному языку.

Нашей задачей было найти те черты или тенденции в рассказах, которые отличаются их от норм литературного языка, зафиксированных в грамматиках 1950-х – 1990-х гг. [Константинова, 1964; Колесникова, 1966; Nedjalkov, 1997; Bulatova, Grenoble, 1999]. Эти отличия могут объясняться и отличием разговорного языка от литературного, и различиями между северным и южным наречием, а также индивидуальными особенностями отдельных рассказчиков³.

Необходимо учитывать тот широко известный факт, что носители эвенкийского языка – билингвы. По свидетельству Н. А. Мамонтовой [2013], практически все носители эвенкийского языка владеют русским. Во многих случаях приходится специально просить рассказчиков говорить по-эвенкийски.

Как в каждом конкретном случае обосновать, что то или иное отклонение от «литературной нормы», зафиксированное у одного или нескольких рассказчиков, следует отнести к общей тенденции эволюции эвенкийского языка или к диалектным различиям? Тексты, на которых основываются наши наблюдения, относятся в основном к северному наречию. В работе Н. А. Мамонтовой [Там же, с. 84–85] упоминается, что говоры северного наречия сохранились не хуже, а даже лучше, чем говоры южного наречия, и что между северными и южными говорами есть взаимопонимание.

Некоторые из грамматических характеристик, которые мы рассматриваем, например оппозиция причастных и финитных форм в качестве сказуемого независимого предложения, свойственны не только эвенкийскому языку, но и другим языкам тунгусо-маньчжурской группы и также тюркским и монгольским языкам. Кроме того, список глосс для всех текстов, независимо от говора, составлен на основе вышеупомянутых грамматик литературного эвенкийского языка⁴. Поэтому можно предположить, что основные морфологические категории являются общими для ЮН и СН.

Те тенденции, которые были замечены только в одном говоре или у одного рассказчика, не рассматривались нами как признаки (намечающейся) эволюции всего языка. При определении тенденций развития мы считали одним из важнейших критериев возраст рассказчиков.

² См.: [Казакевич, 2010], а также сайт «Малые языки Сибири: наше культурное наследие». URL: <http://siberian-lang.srcc.msu.ru>

³ См. некоторые примеры в работе [Казакевич, Клячко, 2013].

⁴ Список глосс составлен в рамках продолжающихся проектов О. А. Казакевич по кетскому, селькупскому и эвенкийскому языку. Некоторые глоссы выглядят нестандартно, поскольку глоссирование проводилось на основе грамматик трех языков (см. Глоссы и сокращения).

2. Черты грамматики, свойственные эвенкийскому языку как одному из алтайских языков, в текстах рассказчиков

При рассмотрении особенностей морфологии и синтаксиса текстов мы уделяли особое внимание тем аспектам грамматики, которые характеризуют эвенкийский язык как алтайский (см. [Гузев, Бурькин, 2007]). Эти особенности должны быть свойственны как литературному языку, так и диалектам эвенкийского языка.

1.1. Синтетизм в выражении именных и особенно глагольных категорий. Стоящие в словоформе после основы и до всех словоизменятельных аффиксов, пассивные и каузативные морфемы, а также морфемы с аспектуальным значением и с некоторыми другими значениями относятся грамматиками⁵ к словообразовательным, или деривационным, аффиксам.

В примерах (1)–(4) проиллюстрированы синтетические (т. е. созданные с помощью словообразовательных аффиксов) способы выражения самых разных категорий эвенкийского языка.

Рассмотрим примеры (1а–б). В них ограничительное значение «только» (лимитатив, LIM) передается аффиксом *-riktə*, который стоит после основы местоимения / существительного (и также глагола) перед словоизменятельными аффиксами, т. е. в позиции словообразовательного аффикса. В грамматике [Колесникова, 1966, с. 260], отражающей литературный язык, *-riktə* также описывается как словообразовательный аффикс.

Если говор Эконды относится к СН эвенкийского языка, то в Стрелке говорят на ЮН. Другие рассказчики из Эконды тоже используют модель с *-riktə*: Удыгир Виктор, 00:04.04.855 и др.; Панкагир Алексей, 00:02:53.525.

(1) а. nuŋa-riktə-l-tin
он-LIM-PL-PS3PL ‘Только они’ (говорили)
(2007, Эконда, СН, Комбагир Анна, 00:16:30.446)

б. asā-riktə-l
женщина-LIM-PL (Его друзья) ‘только женщины’
(2007, Стрелка, ЮН, Андреев Василий, 00:01:10.366)

Ограничительный словообразовательный аффикс – типологически довольно редкое явление; во многих алтайских языках значение ограничительности выражается частицей (корейский язык, казахский и древне-узбекский язык [Тектигул, 2013]) или отдельным словом (турецкий язык, О. Кадырова, личное сообщение)⁶. Поэтому можно сделать вывод, что словоизменятельный статус *-riktə* – консервативная черта эвенкийской морфологии. У отдельных рассказчиков не сохраняется данная позиция *-riktə* в словоформе, а *-riktə* ставится в позицию частицы, как и фокальная частица *-da / -ta* ‘FOC’, т. е. после всех словоизменятельных показателей: см. примеры (2а–б).

⁵ См. [Константинова, 1964; Nedjalkov, 1997; Болдырев, 2007]. Некоторые авторы [Мельчук, 1998, с. 38–39; Плунгян, 2010, с. 135] считают подобные морфемы «полуграмматическими» (квазиграммемами) и рассматривают их наряду со словоизменятельными, несмотря на их позицию в словоформе.

⁶ Аффикс *-riktə* в имени стоит в той же позиции, что аффиксы *-tənə* и *-tikin* с кванторным значением «каждый» [Константинова, 1964, с. 252; Татевосов, 2002, с. 223–225]. В выборке языков (более 20) в работе С. Г. Татевосова такая позиция для квантора не зафиксирована ни в одном другом языке, кроме эвенкийского. В отдельных языках (корейский, осетинский) возможно присоединение к имени частицы с ограничительным значением.

(2) а. *jakutskaj-dulā-riktā*
Якутск-**LOCAL-LIM** ‘Только в Якутске’ (одно место есть)
(2007, Эконда, СН, Комбагир Антон, 00:02:25.470)

б. *tajga-dū-riktā*
тайга-DATLOC-LIM (Рожала) ‘только в тайге’?
(2007, Эконда, СН, Комбагир Анна, реплика Изольды, 00:17:05.117)

Если примеры с *-riktā* в словообразовательной позиции встречаются у достаточно пожилых рассказчиков (Комбагир Анна, 1917 г. р.; Удыгир Виктор, 1945 г. р.; Панкагир Алексей, 1957 г. р.), то постановка *-riktā* в позицию частицы характерна для более молодых или хуже знающих эвенкийский язык носителей: Комбагир Антон, 1947 г. р.⁷; Изольда, 1969 г. р. – внучка Комбагир Анны. В рассказе на ЮН встретилось только одно употребление *-riktā* (см. (1б)). Как уже говорилось, в нашем корпусе рассказы на ЮН представлены более скудно, чем на СН, а в литературном языке *-riktā* считается словообразовательным аффиксом.

Таким образом, тот материал, который у нас есть, позволяет предположить, что типологически редкая модель с *-riktā* в позиции после основы (словообразовательного аффикса) проявляет тенденцию к исчезновению и замене моделью с *-riktā* как именной постпозитивной частицей. Для проверки данной гипотезы нужен дополнительный материал: рассказы или тестирование носителей эвенкийского языка моложе 40 лет.

В целом рассказчики всех говоров соблюдают порядок словоизменительных аффиксов, зафиксированный в литературном языке: Stem – PL – CASE – POSS. Этот порядок в общих чертах совпадает с порядком словоизменительных аффиксов имени в других алтайских языках⁸. Отклонения встречаются достаточно редко в речи индивидуальных рассказчиков.

Если рассматривать глагольные категории, в «словообразовательной» позиции после основы стоят аффиксы залогов, вида и даже некоторых других категорий, таких как дезидератив. В примерах (3а–б) показано употребление дезидератива («хотеть») и инхотива («начинать»). Эти значения выражаются синтетически и в СН (3а–б), и в ЮН (3в). В ЮН для передачи значения инхотива часто используется показатель семельфактива, или инцептива (INCEP), *-si(n)*⁹ вместо показателя инхотива *-l(i)* (ср. (3г)).

(3) а. *ā-mū-d'a-pkī-l*
спать-**DES-IPFV-PHAB-PL**
(... потому что комаров много, и дети ...) ‘хотят спать, ...’
(2008, Тутончаны, СН, Увачар Инна LAV3, 00:05:07.655)

б. *kapka-s'i-li-ŋna-ra-w*
капкан-VBLZ.INST-**INCH-NAВ-NFUT-1PL(EXCL)**
(Когда снег выпадет...) ‘начинаем капканами охотиться (=капканить)’
(2007, Чиринда, СН, Хутогир Дмитрий LR, 00:02:01.493)

⁷ В нашем корпусе есть только один рассказ Комбагира Антона, являющегося наглядным примером билингвы, который много говорит на русском языке.

⁸ А. Шеймович, С. А. Крылов (личные сообщения).

⁹ Подробнее о показателе *-si(n)* см. [Константинова, 1964, с. 163; Nedjalkov, 1997, p. 250].

в. **ā-mu-l-lə-Ø**

спать-**DES-INCH-NFUT-3PL**

‘Захотели спать’ (младшие сестра и брат) – букв. ‘захотели и начали спать’
(2005, Полигус, ЮН, Хадончина Надежда LR1, 00:03:00.367)

г. **ā-sin-ə-w**

спать-**INCEP-NFUT-1PL(EXCL)**

‘Заснули’

(2007, Стрелка, ЮН, Андреев Василий, 00:04:23.520)

В уральских и алтайских языках модальные и видовые значения часто выражаются словообразовательными аффиксами¹⁰. В то же время для многих языков мира характерны аналитические модальные и видовые конструкции. Так, в работе [Колесникова, 1966, с. 126] отмечается, что вместо синтетической инхоативной конструкции в полигусовском говоре (на котором основан литературный язык) возможна синонимичная аналитическая конструкция со смысловым глаголом в форме деепричастия цели или одновременности и финитной формой глагола *ñəkə*- «собираться».

Конструкция с *ñəkə*- встречается в обоих наречиях, хотя довольно редко, и *ñəkə*- в этой конструкции может переводиться в зависимости от контекста и как «собираться», и как «начать», «хотеть» – см. (4а–в).

(4) а. **huru-dā-ji** **ñəkə-d'ə-rə-n**
пойти-**CVPURP-RFL** **собираться-IPFV-NFUT-3SG**
(...отец все) ‘хочет ехать’ (туда)
(2008, Тутончаны, СН, Увачан Инна LAV1, 00:04:58.690)

б. **rəktirə-l-dā-ji** **ñəkə-d'ə-čō-w**
стрелять-**CVPURP-RFL** **собираться-IPFV-PST-1SG**
‘Выстрелить собрался’
(2007, Муторай, ЮН, Дмитриев Андрей Викторович LO1, 00:02:48.790)

в. **ojo-li-nə** эг агама-kān
чесать-**INCH-CVSIM** этот еле-ATTEN
ñəkə-li-ŋnə-Ø-m
собираться-INCH-HAB-NFUT-1SG
‘...потихоньку я начинаю обычно, это, почесывать’ (глаз, который у нее болит)
(2011, Хантайское озеро, СН, Еремина Любовь LR, 00:13:06.181)

Приведенные примеры нельзя считать аналитическими формами дезидератива или инхоатива. Глаголов со значениями «начать» или «хотеть» в эвенкийском языке нет, есть только «отрицательные» глаголы – «не мочь», «не хотеть» и т. д.¹¹ Кроме того, есть глагол *ō*- «становиться»¹², который используется как основное сказуемое или как вспомогательный глагол при существительных, прилагательных, наречиях и других частях речи в предикативной позиции. Так, в примере (5а)

¹⁰ Пример описания подобных аффиксов в нгансанском языке см. в работе [Гусев, 2012].

¹¹ Смысловый глагол в этом случае стоит в форме условного деепричастия на *-mī* (CVCOND).

¹² Это многозначный глагол, некоторые из его значений: «настать», «выполнить», «возникнуть», «оказаться» и т. д.

ō- – основное сказуемое, а в (5б) – вспомогательный глагол при отрицательном причастии *ašin*, которое входит в предикативную группу.

- (5) а. *vojna* *ō-d'a-raki-n*
 война **статья-IPFV-CVCOND-3SG**
 'Когда началась война...'
 (2005, Полигус, ЮН, Хадончина Надежда LR1, 00:00:00.250)

- б. *ēkun=da* *ašin* *ō-sa*
 что=FOC NEG **статья-PANT**
 'Ничего не стало' – в смысле «ничего не осталось»
 (2008, Тура, СН, Елдогир Лилия, 00:04:43.396)

Глагол *ō-* используется в значении «начать» в «аналитической» инхоативной конструкции только у одного рассказчика – Елдогир Валентины, которая чередует эту конструкцию с синтетическим инхоативом на *-l(i)*: ср. (6а-б). У других рассказчиков встречается только конструкция на *-l(i)*. Таким образом, нельзя говорить о тенденции к замене инхоативной или дезидеративной конструкций на аналитические.

- (6) а. *bultā-wkī* *ō-da-n*
 охотиться-**PHAB** **статья-NFUT-3SG**
 'охотиться начал'
 б. *adil'i-s'i-l-da-n=tə*
 сеть-VBLZ-**INCH-NFUT-3SG=FOC**
 'сеть проверять начал'
 (2007, Чиринда, СД, Елдогир Валентина, 00:01:49.100 и 00:05:29.010)

1.2. Причастие в роли независимого сказуемого. Во многих алтайских языках (и также в других группах языков¹³) причастные формы глагола могут выступать как сказуемые независимого предложения, при опущенной связке, ср. (7а) и (7б) со связкой.

- (7) а. *doŋoto-ši-li-wkī-l*
 замерзнуть-DUR-**INCH-PHAB-PL**
 'мерзнут' (зимой песцы)
 (2008, Тура, СН, Елдогир Лилия LAV, 00:04:25.581)

- б. *rəktiŋu-ča* *bi-Ø-mčə-w*
 стрелять-**PANT** **быть-TENSE-COND-1SG**
 'я стреляла бы'
 (2007, Стрелка, ЮН, Андреева LR8, 00:01:57.260)

¹³ В работе [Калинина, 2001] исследуются языки с функционированием причастия в роли независимого сказуемого. Е. Ю. Калинина приходит к выводу, что такое функционирование возможно в языках со стертым грамматическим противопоставлением времен глагола и грамматических категорий имени и глагола. В эвенкийском языке согласовательные аффиксы глаголов в прошедшем, прошедшем итеративном и будущем временах совпадают с посессивными аффиксами существительных (и эти временные формы происходят от причастий) (см.: [Nedjalkov, 1997, p. 274]).

Разные грамматики дают различные объяснения того, в каких случаях возможно независимое причастное сказуемое. В работах [Константинова, 1964, с. 140–146; Колесникова, 1966, с. 115–119], отмечается, что независимым сказуемым может быть причастие предшествования PANT (на $\check{c}V$ -), причастие обычное (хабитуальное) PHAB (на $-p / vk\bar{i}$ -) и причастие безлично-должностное (дебитивное) PIMPDEB (на $-vkV$:). В грамматике [Bulatova, Grenoble, 1999, p. 43] немного другой набор причастий: причастия предшествования, одновременности и обычное (хабитуальное) причастие: PANT (на $-cV$), PSIM (на $-d'Vri$), PHAB (на $-p / vk\bar{i}$).

Эти причастия могут употребляться со связкой *bi-* «быть» с подлежащим 1–2 лица. Также отмечается, что употребление причастной формы как независимого сказуемого «имеет оттенок восприятия»¹⁴.

По нашим наблюдениям, причастное сказуемое употребляется вместо финитного в рассказе, если рассказчик отклоняется от основной темы или если описываются детали или события внутри одной ситуации, а также в других случаях, когда рассказчик ставит данное предложение на второй план своего повествования.

Например, Хадончина Надежда (2005, Полигус, ЮН, рассказ «Лосенок») употребляет большой спектр финитных форм – прошедшее PST (на $-cV$), небудущее NFUT (на $-rV$), прошедшее обычное / итеративное PSTITER (на $-nki$), ближайшее будущее FUTCNT (на $-d'V$) и др. Причастия без связки *bi-* «быть» – в основном предшествования PANT (на $-cV$) и хабитуальное PHAB (на $-p / vk\bar{i}$) – употребляются при более подробном описании событий (см. детали о том, как ночью дочка с отцом спали, или о лосенке и его матери). Причастие также используется при второстепенном комментарии или повторении сказанного. Для изложения последовательных событий используется небудущее время NFUT (на $-rV$) – см. рассказ о том, как девочка шла одна по лесу.

Похожие закономерности наблюдаются в других текстах Хадончиной, а также многих других рассказчиков: Хутокогира Дмитрия (2007, Чиринда, СН), Елдогир Валентины (2007, Чиринда, СН (отрывок про русских)), Панкагир Прасковьи (2008, Тутончаны, СН), Чемпогир Антонины (2011, Хантайское озеро, СН). С некоторыми вариациями сюда же относится и употребление причастных сказуемых в рассказах Комбагир Анны (2007, Эконда, СН).

Наши наблюдения соответствуют обобщению, предложенному в работе [Калинина, 2001, с. 195–196], в соответствии с которым причастная форма используется вместо финитной в случае, когда предложение в тексте несет информацию пониженной важности (пресуппозиция, а не ассерция).

Было найдено достаточное количество отрывков и отдельных предложений, в которых употребление причастия как независимого сказуемого выходит за рамки данной закономерности. Можно предположить, что причастие перестает нести коммуникативную нагрузку, связанную с пониженной важностью информации. У причастия предшествования PANT (на $-cV$) остается только значение предшествования, и это причастие приравнивается носителями к тем финитным формам, которые относят время осуществления события к точке, предшествующей моменту речевого акта – небудущее NFUT (на $-rV$) и прошедшее PST (на $-cV$) времена.

Елдогир Валентина (2007, Чиринда, СН) в своем рассказе LR1 (про своих родителей, бабушек и дедушек, детство) в целом придерживается указанных правил

¹⁴ Тут имеются в виду глаголы непосредственного восприятия со значениями «видеть», «слышать», «чувствовать что-либо» и т. д. В нашем корпусе текстов эти глаголы употребляются крайне редко. Отдельные рассказчики (Турская Минна Дмитриевна (2011, Хантайское озеро, СН)) часто ставят глаголы со значением «сказать» и «подумать» в причастную форму.

употребления причастия вместо финитного сказуемого. Однако в начале, в первых 4–5 предложениях, в которых говорится о том, когда родился ее отец, о семье отца и о ранней смерти его матери, употребляются не финитные формы, а причастие предшествования. Данная информация относится к основной линии повествования, и другие рассказчики употребляют в аналогичной ситуации финитные формы глагола.

В рассказах Елдыгир Лилии (2008, Тура, СН) в некоторых отрывках нельзя проследить никакой закономерности при чередовании причастных и финитных форм. Елдыгир Лилия часто переходит на русский язык, а потом, по просьбе лингвиста, опять переходит на эвенкийский. Как кажется, когда рассказчик-билингв переходит с эвенкийского на русский и обратно, в его эвенкийской речи встречается больше калек с русского языка, чем когда он все время говорит по-эвенкийски. Это относится и к PANT (см. выше), и к причастию хабитуальному РНАВ (на *-p / vkī*) – у РНАВ исчезает функция пониженной коммуникативной важности и остается только значение хабитуальности (повторяемости действия).

Рассмотрим последнюю часть рассказа Панкагир Прасковьи (2008, Тутончаны, СН), посвященного описанию эвенкийской свадьбы. В этом рассказе много отдельных предложений или кусков текста по-русски. После русского предложения 00:12:23.305 с основным глаголом *ujizhajut* «уезжают» идет предложение 00:12:30.455 с глаголом *этэ-д'эно-тин* 'прийти-FUT-3PL' «приедут». Этот глагол – калка с русского употребления будущего времени в значении повторяющегося действия (*утром придет, растопит печку, приготовит завтрак*). Затем идет предложение 00:12:42.995 со сказуемым в форме хабитуального причастия РНАВ (на *-p / vkī*): *huru-si-wkī-l* 'пойти-DISTR-РНАВ-PL' «разъезжаются», а потом предложение 00:12:44.870 с финитным сказуемым в форме небудущего времени NFUT (на *-rV*) *ikon-d'э-рэ-Ø* 'петь-IPFV-NFUT-3PL' «поют». Все эти формы передают значение повторяющегося действия, что подтверждает гипотезу о потере коммуникативной маркированности предложения с хабитуальным причастием.

Важный факт – употребление причастной формы вместо финитной в вопросе. Вопрос не входит в повествование и не может быть более или менее значимым для повествования.

- (8) а. *Hutə-l=də̄* *tajga-dū* *baldi-sa-l?*
 ребенок-PL=FOC тайга-DATLOC родиться-PANT-PL
 'Дети же в тайге родились?'

(2007, Эконда, СН, Комбагир Анна, 00:39:43.189 – реплика внучки Анны, Изольды (1969 г. р.))

- б. *nuɲartin hərəkə-dū* *d'u-dū* *bi-d'э-wkī-l?*
 3PL отдельный-DATLOC дом.чум-DATLOC быть-IPFV-РНАВ-PL
 'Они [жених и невеста] в другом чуме находятся?'

(2008, Тутончаны, СН, Панкагир Прасковья LR1, 00:10:10.870 – реплика ее подруги Хукочар Валентины (1936 г. р.))

Употребление причастия в вопросе в примерах (8а–б) указывает на то, что причастие в устной речи используется просто как эквивалент финитной формы в прошедшем / небудущем или настоящем времени: причастие в (8а) не обозначает события, предшествующего другому событию в прошлом; причастие в (8б) не передает значение повторяющегося действия (поскольку это форма глагола *bi-* «быть»). Приведенный материал по употреблению причастия предшествования и причастия хабитуальности и в рассказах, и в вопросе, позволяет сделать вывод, что в разговорном языке, по крайней мере в СН, есть тенденция к утрате причастным сказуемым коммуникативной функции передачи информации второ-

степенной важности. Причастие употребляется просто как эквивалент финитного глагола прошедшего или настоящего времени¹⁵.

В устных рассказах довольно редко встречаются некоторые из тех синтаксических кáлек с русского языка, о которых говорит L. Grenoble [2012]. Он отмечает, что заимствованные из русского свободный порядок слов, именное союзное сочинение, союзные сложносочиненные предложения, в которых обе части финитные, и финитные относительные предложения с вопросительными местоимениями в функции вопросительных есть еще в грамматиках эвенкийского, написанных в 1960-х гг., таких как [Колесникова, 1966]. Эти черты, согласно [Grenoble, 2012], есть и в других языках Сибири: тюркских и монгольских, юкагирском, нивхском и др.

Свободный порядок слов вместо фиксированного SOV характерен для устных текстов, а союзное сочинение и финитные относительные предложения в них практически не встречаются. Вместо них рассказы преимущественно содержат бессоюзное сочинение или сочинение с помощью частицы *-ta / -da* и причастные относительные предложения. Возможно, устный язык в меньшей степени, чем литературный, подвержен таким заимствованиям.

Выводы

Эвенкийский язык хорошо сохранился в речи авторов рассказов как в СН, так и в ЮН, и в основном соответствует грамматикам, основанным на полигусовском говоре. В СН черты эвенкийской грамматики представлены не менее полно, чем в ЮН. Эвенкийский язык в рассказах сохраняет типологические черты, свойственные алтайским языкам, и свое типологическое своеобразие.

Почти все рассказчики свободно владеют русским языком; среди эвенков молодого возраста эвенкийский язык не используется. У носителей более молодого возраста, или у тех, кто хуже владеет эвенкийским, некоторые редкие типологические особенности эвенкийского языка не наблюдаются – пропадает словообразовательный статус определенных дискурсивных показателей. Также у более молодых эвенков теряется специфика употребления причастия как самостоятельного сказуемого в случае пониженной коммуникативной значимости предложения в тексте – такое причастие употребляется в более широком наборе контекстов.

Эти характеристики устных рассказов нельзя расценивать как доказательство уже произошедшей эволюции грамматики эвенкийского языка, а только как намекающиеся тенденции.

Список литературы

Болдырев Б. В. Морфология эвенкийского языка / Отв. ред. В. А. Роббек. Новосибирск: Наука, 2007. 932 с.

Василевич Г. М. Очерки диалектов эвенкийского / тунгусского/ языка. Л.: Учпедгиз, 1948. 352 с.

Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь. М.: ГИС, 1958. 802 с.

Гузев В. Г., Бурыкин А. А. Общие строевые особенности агглютинативных языков // Acta linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. Т. 3, ч. 1. СПб.: Наука, 2007. С. 109–111.

¹⁵ Об этом же свидетельствуют рассказы из поселков Сым и Белый Яр (ЮН, сымский диалект). Сымский диалект сохранился хуже, чем остальные говоры СН и ЮН, он сильно подвержен влиянию русского языка. В рассказах на этом диалекте причастия не употребляются как самостоятельные сказуемые.

Гусев В. Ю. Аспект в нганасанском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. Т. 8, ч. 2: Исследования по теории грамматики. Вып. 6: Типология аспектуальных систем и категорий / Отв. ред. В. А. Плунгян. СПб.: Наука, 2012. С. 311–361.

Казакевич О. А. Эвенкийско-кетская экспедиция 2009 г.: Документация языков и диалектов, которые могут исчезнуть // Вестн. Рос. гуманитарного науч. фонда. 2010. № 3. С. 206–212.

Казакевич О. А., Клячко Е. Л. Создание мультимедийного аннотированного корпуса текстов как исследовательская процедура: Докл. на Междунар. конф. «Корпусная лингвистика – 2013», СПбГУ, ИЛИ РАН, СПбУ им. А. И. Герцена, 25–27 июня 2013. URL: <http://corpora.phil.spbu.ru/Works2013/Казакевич.pdf>

Калинина Е. Ю. Нефинитные сказуемые в независимом предложении. М.: ИМЛИ РАН, 2001.

Колесникова В. Д. Синтаксис эвенкийского языка. М.: Наука, 1966.

Константинова О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М.: Наука, 1964.

Мамонтова Н. А. На каком языке говорят настоящие эвенки? Дискуссия вокруг кочевых детского сада // Этнографическое обозрение. 2013. № 2. С. 70–91.

Мельчук А. И. Курс общей морфологии. Т. 2, ч. 2: Морфологические значения / Пер. с фр. В. А. Плунгяна; Под общ. ред. Н. В. Перцова, Е. Н. Саввиной. М.: ЯРК, 1998. 544 с.

Мыреева А. Н. Эвенкийско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2004. 798 с.

Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. 3-е изд. М.: УРСС, 2010.

Татевосов С. Г. Семантика составляющих именной группы: кванторные слова. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 240 с.

Тектигул Ж. О. Эволюция общетюркских аффиксов в казахском языке. М.: Рос. акад. естествознания, 2013. URL: <http://www.rae.ru/monographs/213-6664>

Bulatova N., Grenoble L. Evenki. München: Lincom Europa, 1999. (Languages of the World Materials 141).

Grenoble L. A. Areal typology and semantic change // Вестн. ТГПУ. 2012. № 1 (116). С. 101–105.

Nejalkov I. Evenki. London, N. Y.: Routledge, 1997.

Список источников

Малые языки Сибири: наше культурное наследие. URL: <http://siberian-lang.sgcc.msu.ru> (опубликовала Е. Л. Клячко).

Глоссы и сокращения

1, 2, 3 – 1, 2, 3-е лицо, **ASP** – аспектуальный показатель, **ATTEN** – аттенуатив, **CVCOND** – условное деепричастие, **CVPURP** – деепричастие цели, **CVSIM** – деепричастие одновременности, **DATLOC** – датив-локатив (падеж), **DES** – дезидератив, **DISTR** – дистрибутив, **DUR** – дуратив, **EXCL** – эксклюзивное (множественное), **FOC** – фокус, **FUTCNT** – ближайшее будущее, **НАВ** – хабитуалис, **INCEP/ INCH** – инсептив/инхоатив (начинательный вид), **INST** – инструменталис, **IPFV** – имперфектив, **LIM** – лимитатив, **LOCALL** – локатив-аллатив (падеж), **NEG** – отрицание, **NFUT** – небудущее время, **PANT** – причастие предшествования, **PHAB** – хабитуальное причастие, **PIMPDEB** – причастие безличной необходимости, **PL** – множественное число, **PS** – посессивность, **PST** – прошедшее время, **PSTITER** – прошедшее итеративное время, **RFL** – рефлексивный

(аффикс), **SG** – единственное число, **SOV** – субъект-объект-глагол (базовый порядок основных членов предложения), **TENSE** – время, **VBLZ** – глагольный словообразовательный аффикс, **CH** – северное наречие, **ЮН** – южное наречие.

E. L. Rudnitskaya

**Grammatical characteristics of the oral stories of the 2005–2011 years
as the evidence of the growing tendencies towards changes
in the colloquial Evenki language**

The paper discusses oral stories in Evenki from 2005–2011. We consider the features of morphology and syntax that characterize the Evenki language as an Altaic language, or form its typological originality. These features are present both in the North and the South dialects, as well as in the literary language. The data obtained make it possible to conclude that there is a tendency to the loss of some typologically rare characteristics, such as the derivational status of certain affixes that form a synthetic construction. There is also a tendency for participles used as the main clause predicates to extend to a wider set of contexts than the background part in a narrative.

Keywords: the Evenki language, syntax, morphology, participial sentence, synthetic construction, dialect.